

П.Н. БАЗАНОВ. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018. 510 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0005436-2

Книги бывают разными – интересными и скучными пополам с зевотой. К последним никак нельзя причислить очередной труд моего давнего коллеги П.Н. Базанова, с которым меня свела судьба по исследованиям русской эмиграции.

О его герое Николае Ивановиче Ульянове я слышал давно и даже перелистывал его книги по украинскому сепаратизму. Меня нельзя отнести к горячим поклонникам его штудий, но та вера в свою правоту, подкрепленная исследовательской мыслью ученого, знавшего досконально все то, чем он занимался, внушает уважение и даже восхищение.

Собственно говоря, даже странно, что о нем не было ни одного крупного исследования. Сейчас этот пробел ликвидирован. Со страниц книги П.Н. Базанова предстает личность крупного ученого сквозь время, в котором он жил и о нем писал. Перед читателем разворачивается красочное полотно истории, где органически переплетались настоящее и минувшее, память и творческий поиск, биография человека и России/Советского Союза.

Писать о человеке во времени и о времени в судьбе человека очень трудно. Часто получается весьма основательно, но сухо. Не хватает ни самого чувства времени, ни сопереживания о превратностях судьбы. Базанов счастливо избежал этого вследствие блестящего знания всего, о чем пишет, что исследует. Подчеркну, автор почти двадцать лет занимался личностью историка, философа, литературоведа, писателя, публициста, представителя второй волны эмиграции Николая Ивановича Ульянова. Список

работ, которые были привлечены автором для разностороннего исследования, велик, разнообразен и, конечно, обусловлен самой яркостью талантов героя, его судьбоносными «виражами».

Если следовать обычной схеме, то книга состоит из двух глав и приложения. Имеются предисловие и заключение. Стандартный набор.

Это внешне.

Но сам авторский текст достоин своего героя. Поражает тщательность, с которой изучены стороны жизни Н.И. Ульянова, вернее, сама его жизнь.

В первой главе, посвященной собственно биографии, автор ведет свое исследование с *ab ovo*, т.е. с рождения в рабочей семье до преподавания в Йельском университете. Сюда вошли сцены театральной юности, студенчество, аспирантура, занятия наукой и преподавание и, как нередко бывало, арест, лагерь, война, фронт, котел под Вязьмой, плен, побег, отправка на работы в Германию и его оценка Великой Отечественной войны как массового нашествия «Запада на Россию с безумной маниакальной целью уничтожения русского народа и его культуры» (с. 164).

Здесь каждый «вираж» Ульянова представлен не только через его судьбу, но и характерными зарисовками тех, с кем сталкивала его жизнь. Здесь трудно что-либо выделить особо, пожалуй, только грозное послереволюционное время, давшее многим путь к строительству «новых небес», в науку, в просвещение, потом ставшее известным по арестам, лагерям, тюрьмам, казням, когда жизнь и судьба человека

зависела от доноса завистника, скрывавшегося под маской «бдительного товарища», от разнарядки сверху по количеству арестов, обычно перевыполняемой местной властью, и много другого, когда «стандарт времени» главенствовал в стране. Все это достаточно подробно представлено в книге Базанова. Само словосочетание «Петропольский Тацит» взято из стихотворения Ю. Милославского и связано с Соловецким лагерем, где Ульянов отбывал пятилетний срок по «контрреволюционному делу, шитому белыми нитками. Вот несколько строчек из него:

Прибыл с улыбкой детскою,

Храня ученый вид.

В обитель Соловецкую

Петропольский Тацит (с. 155)

Можно зачитываться, когда разбираешь строки, посвященные «дипийскому периоду» (D.P, displaced persons), истории с перемещенными лицами, их жизни и судьбе после окончания Второй мировой войны. Точнее — о России № 2. Обо всем этом написано достаточно много, вплоть до «повторений». Ульянов получил признание и известность многими своими трудами, прежде всего по разрешению национального вопроса в России, точнее, по так называемому украинскому вопросу. В своих публикациях Ульянов, как пишет автор книги, не устал дискутировать со сторонниками украинского сепаратизма. В статье «К национальному вопросу», напечатанной в эмигрантском «Социалистическом вестнике», он полемизировал «с идеями конфедеративного устройства освобожденной от большевиков России», а еще более с «правом наций на самоопределение вплоть до отделения» (с. 179). Для одних его страницы были неприемлемы, другие признавали его «независимость мысли. Георгий Иванов писал Роману Гулю: “Ульянов — проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине”» (с. 169).

На очередном «вираже», уже находясь в Марокко, где, кстати сказать, отлично обрисована «рабоче-интеллигентная» и разномыслящая эмиграция, Ульянов обрисован в книге «ярким полемистом, с каким мало кто мог скрестить оружие». Так, в своем докладе, посвященном Дню русской культуры, произнесенном в Касабланке в 1949 г., Ульянов «в первый раз противопоставил русскую культуру этнографии: “После Достоевского и Толстого, Мусоргского и Чайковского не пристало

рядить русскую культуру в сарафаны и кокошники!”» (с. 187). В связи с этим провокационным утверждением Базанов не преминул подчеркнуть тот шум, возникший в эмиграции, когда консерваторы критически отнеслись к такому тезису, в то время как либералы «приветствовали его заявление» (с. 188). Сюда добавлю, что на страницах книги при обрисовке фигуры Н. Ульянова мелькает множество известных имен, таких, как В. Вейдле, М. Алданов, Г. Иванов, Р. Гуль, С. Мельгунов. Есть много информации о различных эмигрантских организациях, прежде всего о Союзе борьбе за свободу России (СБСР). В сущности, автор обрисовал всю или почти всю картину воззрений русской эмиграции на Россию. Свое законное место здесь занял и сюжет о работе Ульянова главным редактором на радиостанции «Освобождение» (известной как «Свобода»). В программном обращении, написанном Ульяновым, подчеркивалось: «В эмиграции представлены почти все народы Советского Союза. И вот мы хотим чтобы вы знали. Что, живя за границей в условиях свободы, мы не забыли о своем долге перед Родиной. Мы противопоставляем этому строю принцип последовательного народовластия [...] Мы — враги как реставрации абсолютизма, так и утверждения какой бы то ни было новой диктатуры на месте большевизма после окончательного его уничтожения. Мы — за полное предоставление свободы совести и права религиозного проповедования. Мы не только за ликвидацию эксплуатации человека человеком, мы за ликвидацию эксплуатации человека партией и государством» (с. 200). Все было, замечу иронически, прекрасно, но помешала рознь между русской редакцией и американскими советниками, связанными с ЦРУ. Первая выступала за передачи, выдержанные в духе антикоммунизма, в то время как «контролирующий орган», читай ЦРУ, требовал «сменить антикоммунизм на оголтелую русофобскую пропаганду, направленную на расчленение России». В этой ситуации Ульянов предпочел покинуть свой пост. Рисую этот сюжет, автор отмечает, что Ульянов выступал против «активизма», вбивавшего в себя и «террористическую борьбу с коммунистическим режимом»; отдавая приоритет деятельности эмиграции в «культурно-идеологическом развитии», Ульянов соглашался В. Ходасевичем, о котором он опубликовал статью в 1954 г., что

«эмигрантская литература является самым важным сейчас из возможных русских дел» (с. 205). Почему, встает вопрос? Ответ может дать сам герой Базанова: «Эмигрантская политика – это гниющие обломки разбитого российского корабля» (с. 207).

Последним «виражом» на долгом пути был переезд в 1953 г. в Соединенные штаты Америки. П.Н. Базанов увлекательно пишет на основании солидных источников о преподавательской деятельности своего героя в Йельском университете, где его лекции были связаны с историей, культурой его России, творчеством Николая Ивановича на писательской ниве. И опять на страницах книги рассыпаны известные и малознакомые имена, позволяющие получить нестандартное и богатое представление об американском периоде Ульянова, таких его коллегам, как Г.В. Вернадский.

В книге П.Н. Базанова представлен и «семейный портрет» главного ее персонажа. Многие строки текста рисуют Ульянова, этого жесткого полемиста, иным, в котором жили любовь, мягкий юмор, дружелюбие. Достаточно здесь упомянуть шуточное письмо Ульянова к Вернадскому, написанное в «старом стиле».

Органически в книгу вошли «картинки» о контактах Ульянова с советским научным миром, о проникновении его текстов в СССР, об отрицательном отношении к диссидентскому движению, что отнюдь не препятствовало ему оставаться на «антисоветских позициях».

Глава вторая и последняя посвящена исследованию и освещению основных направлений творческой и научной деятельности главного персонажа. Название, сразу замечу, скучное, стандартное, но зато содержание необычайно богатое, содействующее приращению знания о многосторонней, цветистой, трудной и талантливой жизни Ульянова. Сразу оговорюсь, что не стану останавливаться подробно на этих страницах уже потому, что пересказ не входит в мою задачу. Можно и должно отметить, что Базанов здесь представил объемный портрет Ульянова в публицистической, научной, литературной сферах. Обрисованы сведения об издательствах и типографиях, в которых печатал свои литературные «опыты» Ульянов. Это прежде всего издательство имени Чехова, в котором был напечатан вызвавший волну дискуссий в печати исторический роман «Атосса» из

«скифских и персидских времен», вбирающий в себя представления о стране скифов как предтече «бескрайней евразийской многонациональной империи – России» (с. 247). Не забыты и издательство В.П. Камкина, и знаменитые «Посев» и «Эрмитаж», и «Возрождение», и «Новый журнал», и «Новое русское слово», равно как и их знаменитые авторы. В сущности, здесь автор представил тот необходимый и богатый фон, на котором творил Ульянов.

Свыше сотни страниц отведено автором «философии истории», «национальному вопросу и феномену украинского сепаратизма в творчестве Н.И. Ульянова», «Интеллигенции в творчестве Н.И. Ульянова», «Культуре в творчестве Н.И. Ульянова». Темы громадные, требующие, кроме таланта, обширнейших знаний, способности прозревать в прошлом будущее, хлестко писать о настоящем. Само чтение этих штудий может и должно инициировать самостоятельное обращение к его творчеству.

В конце книги приведен библиографический указатель, включающий в себя 590 названий, связанных с Н.И. Ульяновым. Само громадное количество разнообразной литературы, проработанной автором, прямо свидетельствует о многогранности таланта и «виражах» «Петропольского Тацита».

Отличие от многих книг, повествующих о жизни и деятельности замечательных людей, текст П.Н. Базанова представляет собою своеобразное и увлекательное путешествие по «виражам» Ульянова. Богатейшая источниковедческая база позволяет автору впервые воссоздать новый портрет своего героя, в личности которого счастливо сочетались таланты и полемичность, живая мысль с непрестанным поиском истины, критика, бывало, довольно жесткая, с «политикой».

На обелиске Ульянову, ушедшему в 1985 г. из нашего бытийного мира, помещено четверостишие Георгия Иванова:

За пределами жизни и мира

Все равно не расстанусь с тобой,

И Россия как белая лира

Над засыпанной снегом судьбой...
(с. 238)

© 2019 г. В.И. Косик
kosikvictor@mail.ru